

Ярцев Рустэм Альбертович

ПРИНЦИПЫ ПРАКТИЧЕСКОГО РАЗУМА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Рассматривается проблема обоснования научной методологии из здравого смысла, образующего законодательство человеческого разума. Показывается, что практический здравый смысл составляют прагматические принципы и другие когнитивные установки человека, которые не только выступают для научного исследования в роли базисных положений, но и участвуют в отборе приобретаемого знания: тем самым практический разум координирует извне деятельность теоретического или спекулятивного разума, не вмешиваясь в нее. Выявляются отличия предлагаемой концепции от системы И. Канта.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/12-1/57.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. I. С. 210-215. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. Аврутин Ю. Е. Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России: теория, история, перспективы. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2003. 501 с.
2. Бьюкенен Дж. Границы свободы. Между анархией и Левиафаном [Электронный ресурс]. URL: http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn_newlife.pl?type=in&links=../buchanan/works/buchanan_w3_0.txt&img=works_small.gif&name=buchanan (дата обращения: 01.06.2014).
3. Гурский А. А. Управление органами внутренних дел как социальной системой // Вестник Дальневосточного юридического института МВД РФ. 2009. № 1. С. 108-110.
4. Гуцаленко Л. А. Нужна ли социологии жизни живая личность // Социологические исследования. 2003. № 10. С. 3-8.
5. Кардашов Р. А. Организационный механизм ОВД и проблемы его реформирования: автореф. дисс. ... к.ю.н. М., 2007. 24 с.
6. Кардашова И. Б. Развитие МВД России как субъекта обеспечения национальной безопасности // Административное право и процесс. 2006. № 3. С. 34-37.
7. О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ (СЗРФ). 2011. № 7. Ст. 900.
8. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // СЗРФ. 2011. № 30. Ч. 1. Ст. 4595.
9. О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ // СЗРФ. 2011. № 49. Ч. 1. Ст. 7020.
10. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Самогонов; пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
11. Фролов С. С. Социальные институты в современном обществе // Социология власти. 2010. № 3. С. 25-32.

POLICE AS SOCIAL INSTITUTION (THEORETICAL-METHODOLOGICAL AND PRACTICAL ASPECTS)

Yanbukhtin Rail' Maratovich, Ph. D. in Sociology, Associate Professor
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
yanbuht@mail.ru

The article clarifies the concept "social institution" and introduces the broad and narrow definitions of police as a social institution. From the viewpoint of structural-functional, neo-institutional and sociocultural approaches the author reveals the social, normative-value and personal aspects of police. In the context of the mentioned approach the researcher concludes on the necessity for the systemic application of social and administrative mechanism for strengthening the professional and personal interest of policemen.

Key words and phrases: social institution; police; structural-functional, neo-institutional and sociocultural approaches; social, normative-value and personal aspects; social-administrative form of mechanism for administering police.

УДК 001.8

Философские науки

Рассматривается проблема обоснования научной методологии из здравого смысла, образующего законодательство человеческого разума. Показывается, что практический здравый смысл составляют прагматические принципы и другие когнитивные установки человека, которые не только выступают для научного исследования в роли базисных положений, но и участвуют в отборе приобретаемого знания: тем самым практический разум координирует извне деятельность теоретического или спекулятивного разума, не вмешиваясь в нее. Выявляются отличия предлагаемой концепции от системы И. Канта.

Ключевые слова и фразы: здравый смысл; рациональность; наука; познание; разум; метод; польза; скептицизм; догматизм; компромисс.

Ярцев Рустэм Альбертович, к.т.н., доцент
Уфимский государственный авиационный технический университет
rust-66@yandex.ru

**ПРИНЦИПЫ ПРАКТИЧЕСКОГО РАЗУМА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ[©]**

В работе [6] нами была предпринята попытка разделить здравый смысл человека на познавательные и практические принципы, которыми люди руководствуются в своей теоретической и практической деятельности. Тем самым человеческий разум, опирающийся на здравый смысл как на особого рода законодательство, оказывается

разделенным на два неоднородных состояния, которые могут быть названы теоретическим (спекулятивным) и практическим разумом. Взаимодействие этих состояний или видов разума определяет содержание универсального метода науки, выведению и обоснованию которого посвящены наши работы [6-10].

Отсюда понятно, что для объяснения происхождения универсального научного метода из человеческой природы необходимо не только уточнить те принципы здравого смысла, которые образуют законодательство разума, но и показать, каким образом данные принципы применяются разумом в процессе познания. Настоящая статья ставит своей целью ответить на вопрос о принципах, определяющих функционирование практического разума во взаимодействии со спекулятивным разумом. При этом большое внимание уделяется также выявлению отличий предлагаемой концепции от системы И. Канта, поскольку с его именем прежде всего связаны в философии как сама идея разделения двух видов разума, так и соответствующая терминология.

В решении И. Канта, как известно, высшее значение имеет не принцип пользы, а моральный закон, который действует безусловно и необходимым образом определяется трансцендентальной идеей свободы, присущей разуму априори. Формулировкой этого закона является категорический императив, согласно которому наши поступки в идеале должны заслуживать всеобщего подражания. Действие морального закона, по И. Канту, мы сознаем непосредственно через требование долга.

При этом наши поступки будут нравственными лишь тогда, когда мы подчиняемся моральному закону осознанно и добровольно, действуя из уважения к нему или позитивного чувства долга, пробуждаемого разумом [2, с. 398-407]. Приоритет морального закона над принципом счастья в законодательстве практического разума И. Кант обосновывает тем, что только первый имеет всеобщее и необходимое значение. Любой же принцип счастья выводится эмпирическим путем, и, поскольку суждение о счастье «в очень большой степени зависит у каждого от его мнения, которое к тому же весьма непостоянно», он не может быть универсальным и предписывать разумным существам одни и те же практические правила [Там же, с. 355].

Однако анализ реальной жизни людей опровергает теорию И. Канта. Например, очевидна связь нравственности с принципом счастья или пользы, как можно точнее его назвать. Ведь поступок, заслуживающий моральной похвалы, обязательно для кого-то полезен, хотя обратное, разумеется, неверно, поскольку польза может расцениваться и как корысть. К тому же оценка моральности применима лишь в случае конфликта интересов, затрагиваемых совершением поступка: на разрешение таких конфликтов как раз и направлены существующие моральные правила. А поскольку представления людей о морали неоднозначны, нравственность любого нашего поступка относительна, причем этот релятивизм не преодолевается наличием общечеловеческих ценностей. Априорный же подход И. Канта не предполагает различий в нравственных оценках: отсюда нельзя, например, понять, почему мы иногда оказываемся перед трудным моральным выбором.

Напротив, релятивизм морали хорошо объясняется ее опытным происхождением. Ведь чувство долга в каждом случае у нас возникает после распознавания типовой ситуации, требующей определенного вмешательства, – иначе откуда может взяться знание о том, что велит предпринять долг? Ясно, что правило, которому мы при этом подчиняемся, не может быть сформировано без индуктивного обобщения пережитого опыта, который у человека строго индивидуален. Следовательно, вся наша мораль имеет эмпирическое происхождение, а оценки на ее основе не являются абсолютными.

Не абсолютны и моральные предписания, нормирующие деятельность людей. Во-первых, ни одно предписание не тождественно тому личностному правилу, которое оно стремится передать [4, с. 58]. Во-вторых, моральные предписания обычно даются в самом общем виде, хотя по умолчанию каждое из них относится к определенной ситуации, вне которой предписываемые действия могут расходиться с идеей поддерживать баланс интересов. Поэтому в качестве положения науки любое подобное предписание, вообще говоря, является ложным. Например, по отношению к террористам допустимы и обман, и нарушение обещаний, хотя обычно такие действия признаются аморальными. Таким образом, в науке о морали не может быть категорических императивов, а только гипотетические, каждый из которых носит условный характер.

Исследование моральных вопросов, однако, не является для нас здесь самоцелью: мы лишь хотим показать, что верховенство морального закона в законодательстве практического разума может быть эффективно оспорено, поскольку моральный закон выводим из более общего принципа пользы. Если же этот закон принимается за основной принцип практического разума, применение последнего неоправданно ограничивается сферой нравственного поведения, хотя человек может действовать разумно, не затрагивая ничьих интересов. То же отмечает и В. Асмус [1, с. 39].

Следовательно, мы только повысим общность теории практического разума, если возьмем за основу принцип пользы и выведем отсюда другие принципы, определяющие разумное поведение людей во всех сферах жизни. Для решения этой задачи необходимо также признать наличие свободной воли как способности человека осознанно направлять свои действия на достижение некоторых целей. Спекулятивный разум, конечно, подсказывает идею волевого детерминизма, но когнитивные установки практического здравого смысла не принимают ее всерьез. Поэтому в интересах прикладного значения нашей теории мы включаем в нее свободу воли как базовый принцип, хотя и допускаем возможность альтернативы.

Каким же образом свободная воля должна применять принцип пользы, чтобы деятельность человека отвечала его практическому здравому смыслу? Поскольку разумная деятельность, очевидно, должна быть целенаправленной, принцип пользы можно уточнить как принцип полезной цели, который предусматривает ее достижимость, эффективность и обязательность. Рассмотрим теперь все эти принципы, а также их роль в обеспечении пользы.

Согласно принципу полезной цели следует ограничивать свои желания тем, что приносит пользу людям, по возможности соблюдая баланс их интересов. Для дальнейшего изложения не требуется уточнять то конкретное содержание, которое люди могут вкладывать в понятие пользы: отметим лишь связь полезных целей с потребностями, для удовлетворения которых они предназначены и необходимость которых сомнения не вызывает. Правда, эта необходимость оценивается в каждом случае по-разному, вследствие чего множество полезных целей человека всегда упорядочено по приоритетам.

Иными словами, цель жизни каждого человека представляет собой упорядоченное множество различных целей, которое является конечным, но обладает большой размерностью. Это множество также изменчиво: цели появляются и исчезают, уточняются и корректируются, причем любая из них разумна в практическом смысле только тогда, когда ее достижение приносит пользу. Если же человек делает что-то бесцельно или без всякой пользы, то практический здравый смысл осуждает подобное поведение, оценивая его в таких выражениях, как «бросать деньги на ветер», «мартышкин труд» и т.п.

Однако даже от полезной цели нам нет пользы, если наше желание неосуществимо: пытаюсь же достичь такую цель, мы несем убытки. Отсюда вытекает принцип достижимости цели, согласно которому она должна быть доступна нашим силам и средствам. Народная мудрость говорит об этом: «синица в руках лучше, чем журавль в небе». А поскольку имеющиеся у нас ресурсы приходится распределять между различными целями, последние будут мешать друг другу в своем достижении: ведь, как известно, «за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь». Поэтому при выборе цели важен ее анализ на достижимость, который требует применения спекулятивного разума. Таким образом, теоретическое познание становится потребностью практики, а познавательный здравый смысл – частью практического здравого смысла.

Приоритеты же целей устанавливаются благодаря принципу эффективности, который также связан с пользой и требует предпочтения более полезных целей менее полезным, а менее затратных путей их достижения – более затратным (во втором случае эффективность понимается как экономия). Иначе говоря, согласно этому принципу мы должны действовать так, чтобы максимум пользы достигался при минимуме вреда. В быту принцип экономии приобретает форму правил «копейка рубль бережет» и «из двух зол выбирают меньшее», а в сфере познания он известен как «бритва Оккама». Последнее правило не должно, однако, мешать достижению истины, поэтому в науке не всегда следует отказываться от сложных гипотез в пользу простых, но всегда целесообразно проверять сначала простые гипотезы, а уже затем – сложные.

Из принципа эффективности следует, что любое дело представляет интерес лишь тогда, когда польза от него покрывает издержки, т.е. «овчинка стоит выделки», а «игра – свеч». Но с точки зрения пользы важно еще реализовать намеченное, поэтому цель должна стать личным законом, в исполнении которого следует быть упорным: таков принцип обязательности цели. И мы видим, что неорганизованность, лень осуждаются практическим здравым смыслом – ведь плох тот хозяин, который «за десять работ берется и ни одной не кончает», а «под лежащий камень и вода не течет».

Однако у нас всегда имеется не одна, а множество целей, к каждой из которых применим принцип обязательности: отсюда выводится правило, согласно которому неразумно заниматься одним делом в ущерб остальным. Заметим, что соблюдению этого правила способствует сама природа, которая через усталость и другие чувства требует от нас регулярной смены занятий. Таким образом, основу практического здравого смысла составляют следующие прагматические требования: желать то, что полезно и достижимо, добиваться своего эффективно и настойчиво, достигая любой цели не в ущерб другим.

Поскольку деятельность спекулятивного разума можно понимать и как практическую деятельность, на нее должны распространяться все законы практического здравого смысла, рассмотренные выше. Отсюда следует, что научное знание, являющееся целью каждого теоретического исследования, должно быть полезным не только в последующем практическом применении, но также и для самого исследования, понимаемого как практическое дело. Иными словами, следует различать внешнюю пользу научного знания, к которой относится его прикладное значение, от внутренней пользы, которая определяется только когнитивной ценностью знания в качестве ответа на исследуемый вопрос и ничем иным.

Например, научная теория может быть нужна ее автору для того, чтобы написать статью или защитить диссертацию. Возможно, что в дальнейшем эта теория послужит базисом для новых исследований, а ее выводы получат практическое применение. Но все это – проявления внешней пользы, тогда как внутренняя польза данной теории состоит исключительно в установлении истины, которая хотя бы на время снимает стоящую перед наукой проблему. А поскольку такой ценностью обладает обоснованный ответ на любой вопрос, то у спекулятивного разума нет бесполезных вопросов: последние могут быть только у практического разума, оценивающего познание внешним образом. Хотя обладание безусловной истиной по любому вопросу было бы полезно для нас, специфика научного познания такова, что достижение абсолютного знания регрессирует в бесконечность обоснований [5, с. 46] и, следовательно, требует от спекулятивного разума бесконечной работы. Однако предоставить последнему полную свободу действий не соглашаются ни наша природа, требующая регулярной смены занятий и отдыха, ни практический здравый смысл, который вынужден считаться с множеством других целей, обязательных для достижения за конечное время. Поэтому практический разум, следуя прагматическим установкам своего здравого смысла, вмешивается извне в работу спекулятивного разума и пресекает ее.

С другой стороны, потребность практического разума в абсолютном знании от этого никуда не исчезает – ведь ни одно действие нельзя совершить без полной уверенности в том, что именно предстоит сделать,

т.е. без обладания безусловным личностным знанием. Следовательно, деятельность практического разума связана с противоречием, так как из прагматических побуждений ему приходится ограничивать спекулятивный разум в действиях, ведущих к важной прагматической цели – абсолютной истине. Однако это противоречие ясно только спекулятивному разуму: практический же разум, будучи твердо уверен в истинности когнитивных установок своего здравого смысла, совершенно не замечает того риска впасть в заблуждение, который возникает вследствие отклонения познания от спекулятивного пути.

При этом роль данных когнитивных установок, к которым относятся также прагматические установки, является двоякой. В научном исследовании они используются как базисные положения, которые ограничивают свободу спекулятивного разума и рассматриваются им в качестве относительных истин, принимаемых без доказательства. Для практического же разума они не только сами являются абсолютным знанием, но и придают абсолютный характер любому знанию, выводимому на их основе логическим путем.

Отсюда следует, что познание, отвечающее требованиям практического здравого смысла, полностью не является ни спекулятивным, ни догматическим, поскольку первое неосуществимо, а второе ведет к заблуждению, с которым нельзя не считаться. Его можно назвать практическим или критическим познанием, в котором спекулятивные рассуждения ограничены догматической верой, игнорирующей заблуждение. А поскольку в таком познании сомнение все же подчинено вере, то главный познавательный принцип практического здравого смысла мы назовем практическим догматизмом, противопоставив его научному скептицизму как принципу познавательного здравого смысла, означающему приоритет сомнения над верой.

Как можно видеть, теоретическое и критическое познание – это одно и то же познание, предпосылки и результаты которого по-разному истолковываются двумя видами разума. Если спекулятивный разум считает абсолютную истину недостижимым идеалом, полностью освобождающим знание от заблуждения, то практический разум – необходимым условием полезной деятельности. Поэтому в научном исследовании первый видит лишь часть бесконечного процесса познания, тогда как второй – самостоятельный и законченный познавательный процесс.

Таким образом, и спекулятивный, и практический разум движутся к истине тем же самым путем, применяя, по существу, одинаковую методологию, только первый рассматривает приобретаемое знание как временную, относительную истину, а второй, в соответствии со своими когнитивными установками, придает ему абсолютное значение. При этом спекулятивный разум замечает, что практическое познание ведет к возможному заблуждению, а практический разум – что теоретическое познание склоняется к бесплодным умствованиям. Отсюда понятно, почему когнитивные установки человека одновременно выступают и в роли базисных положений науки, и в роли несомненных практических истин, образуя его практический здравый смысл.

Хотя когнитивные установки людей индивидуальны, их можно обобщать и классифицировать, выявляя при этом интересубъективные установки, выбор которых в качестве основы знания безусловно необходим с практической точки зрения. Возьмем, например, распространенные в науке нормы актуальности, новизны и практической ценности, которые служат для демаркации научного знания на профессиональном уровне. Поскольку эти нормы являются принципами пользы, по отношению к процессу научного познания они носят внешний характер. Однако, в отличие от прагматических принципов, рассмотренных нами выше, данные нормы не интересубъективны, поскольку принимаются, в основном, лишь субъектами профессиональной науки, и относятся к специализированному здравому смыслу [3, с. 56], установки которого по их общности подразделяются на общенаучные положения, стандарты направлений и школ, частные профессиональные убеждения и т.п.

Конечно, последний отличается от обыденного здравого смысла, которым мы руководствуемся в повседневной жизни, и в своей предметной области специалист часто верит в то, о чем другие люди не имеют никакого понятия. Однако нельзя быть специалистом более чем в одной-двух областях, поэтому большинство задач человек решает, пользуясь обыденным здравым смыслом. Следовательно, практический здравый смысл человека – это, прежде всего, обыденный здравый смысл, и именно в повседневной жизни нужно искать интересубъективные установки, которые могут служить устойчивым базисом нашего познания. О каких же установках здесь может идти речь?

Относительно полный ответ на этот вопрос может быть получен только в результате отдельного исследования, посвященного мировоззренческим и ценностным ориентирам людей. Мы же отметим лишь установки, наиболее важные для философии науки: это убежденность в реальности души и объектов внешнего мира, в достоверности эмпирического и рационального познания, в свободе воли и необходимости приносить пользу. При этом иные возможности с позиций обыденного здравого смысла даже не рассматриваются.

Спекулятивный разум, который все подвергает сомнению, находит возражения и для таких установок, благодаря чему появляются оригинальные теории Парменида, Беркли, Юма и других философов. Однако ценность этих теорий не выходит за рамки философии, т.е. является чисто внутренней для науки, поскольку практический разум не придает им никакого значения. Иначе говоря, практическое мышление настолько «экономно», а обыденный здравый смысл настолько консервативен, что изменить наши убеждения стоит большого труда. Тем не менее, теоретический разум иногда находит для своих идей такое обоснование, которое получает поддержку обыденного здравого смысла и ведет к обновлению интересубъективного мировоззрения: подобные последствия имел, например, коперниканский переворот в естествознании.

При этом большое значение имеет пропаганда, осуществляемая через обучение, средства массовой информации и другие формы распространения знаний. Однако ее возможности не беспредельны. Так, пропагандировать положения, не подкрепленные практическим здравым смыслом, бесполезно, и если, например,

специализированный здравый смысл философа еще может считаться с возможностью солипсизма, то навязать эту теорию кому-либо другому не удастся. Нельзя также запретить спекулятивному разуму искать альтернативу распространяемым взглядам: если же таковая будет найдена и получит одобрение практического здравого смысла, то добиться возведения исходных взглядов в ранг intersubъективной истины станет невозможно.

В частности, спорными для науки являются антропоморфические идеи, включая сотворение мира, отражение и целесообразность в неживой природе, атрибутивность информации по отношению к материи, а также идеи эволюции, конца света, бессмертия души и т.п. Все они, конечно, могут быть предметом научного познания или предпосылками проводимых исследований, но гарантированы и возражения по поводу этих идей в научном сообществе. Следовательно, для науки как коллективного исследования данные идеи являются только гипотезами, прикладное значение которых ограничено. Напротив, intersubъективные идеи могут быть признаны всеобщими научными истинами, хотя и они носят в науке лишь относительный характер.

Отсюда ясно, что intersubъективное научное знание, соответствующее обыденному здравому смыслу, имеет наибольшее распространение. Доля такого знания, однако, невелика, поскольку оно включает лишь положения, по которым нет расхождений между всеми видами здравого смысла. В качестве примера можно привести таблицу умножения и гелиоцентризм, но не философские положения, рассмотренные выше, которым либо не хватает intersubъективности, либо их не принимает специализированный или же познавательный здравый смысл: первый – за несоответствие этих положений профессиональным убеждениям, а второй – за возможность альтернатив.

Таким образом, практический разум не только направляет деятельность спекулятивного разума на решение полезных задач, задавая ему ограничения в виде базисных положений, но и производит отбор приобретаемых знаний по критерию соответствия практическому здравому смыслу. Следовательно, в отношениях двух видов разума практический разум имеет первенство, т.е. рациональное познание подчиняется не только своему закону установления истины, но и общему закону пользы. Рассмотрим эти отношения подробнее.

Из сказанного выше следует, что отношения двух видов разума, цели которых различаются, неоднозначны. С одной стороны, практический разум одобряет деятельность спекулятивного, так как, согласно установкам своего здравого смысла, тоже стремится к достоверной истине и считается с необходимостью преодолевать заблуждение при помощи обоснований. Но, с другой стороны, установление истины спекулятивным путем регрессирует в бесконечность обоснований, что для практического разума недопустимо ввиду наличия у него также других обязательных целей. Поэтому научное познание не может быть реализовано без взаимодействия двух видов разума, когда практический разум согласно своему первенству ограничивает деятельность спекулятивного, но не препятствует ее осуществлению.

Чтобы представить данное взаимодействие более наглядно, ранее мы сравнивали практический разум с хозяином, а спекулятивный – с ретивым слугой, которого приходится переключать с одного дела на другое [6]. Однако эта аналогия не вполне корректна: поскольку речь идет о состояниях одного и того же разума, слугой и хозяином попеременно должен быть один человек. Поэтому точнее было бы сравнить разум с компьютерной программой, а его виды – с отдельными процедурами, взаимодействующими между собой при выполнении программы на ЭВМ. Тогда взаимодействие двух видов разума предстает как очередность вызовов одной процедуры из другой, где каждый вызов сопровождается передачей в вызываемую процедуру исходных данных для обработки и возвратом полученного результата в вызывающую процедуру.

Понятно, что практический разум играет при этом роль вызывающей процедуры, а его когнитивные установки – исходных данных, передаваемых вызываемой процедуре (спекулятивному разуму) в качестве базисных положений. Без получения таких данных работа «вызываемой процедуры» связана с бесконечным перебором возможных значений «переменных» и теряет всякий практический смысл. Поэтому спекулятивный разум без практического бесполезен точно так же, как вызываемая процедура – без вызывающей.

Однако вызов процедуры, как известно, не меняет ее алгоритм, а лишь предоставляет последнему необходимые данные. Поэтому вызывающая процедура только координирует работу вызываемых, но не вмешивается в нее. Аналогично и практический разум лишь координирует извне работу спекулятивного, когда каждый из них продолжает действовать исключительно по собственным правилам: тем самым между двумя видами разума достигается непротиворечивый компромисс. Поэтому универсальный метод науки [9] не выводится лишь из познавательного здравого смысла, а соответствует также законам практического разума, благодаря чему поиск истины реализуется через полезные дела, соизмеримые с природными возможностями человека. Каждое из этих дел и представляет собой научное исследование.

По-иному, однако, два вида разума взаимодействуют в системе И. Канта, где они фактически подменяют друг друга в своих познавательных функциях, потому что все различие между ними сводится к запрету для спекулятивного разума выходить за пределы опыта, обеспечивающему демаркацию научного знания. Однако в условиях, когда оба вида познания выводятся из одного и того же чистого разума без учета автономии его различных состояний [2, с. 453], данный запрет оказывается несовместим с разрешением познавать внеопытные объекты под именем практического разума. Возникает противоречие, для устранения которого философ вводит принцип первенства практического разума, подчеркивая, что речь при этом не идет о координации [Там же, с. 454]. И, действительно, спекулятивный разум вынужден нарушать собственный закон: помимо дублирования познавательных функций двумя видами разума, это является еще одним важным отличием системы И. Канта от нашей концепции.

Таким образом, И. Кант не реализовал в своей системе противоречивого отношения друг к другу различных компонент здравого смысла. Наша концепция позволяет иначе объяснить взаимодействие двух видов разума в процессе познания, обосновав тем самым существование универсального метода науки и демаркацию научного знания. Особо подчеркнем, что в настоящем исследовании мы сами применяем данный метод, заключительный этап которого требует считать любые выводы не более чем гипотезами, оставляя их тем самым в пределах возможной критики.

В заключение отметим следующее.

1. Моральный закон, который является в системе И. Канта основным принципом практического разума, неоправданно ограничивает применение последнего сферой нравственного поведения. Поэтому теорию практического разума предпочтительнее строить на более общем принципе пользы.

2. Разумная деятельность человека целенаправленна, отсюда принцип пользы уточняется как принцип полезной цели, предусматривающий ее достижимость, эффективность и обязательность. Иными словами, основу практического здравого смысла составляют следующие прагматические требования: желать то, что полезно и достижимо, добиваться своих целей эффективно и настойчиво, достигая любой цели не в ущерб остальным.

3. И спекулятивный, и практический разум движутся к истине тем же самым путем, только первый интерпретирует знание как относительную истину, а второй, в соответствии со своими когнитивными установками, придает ему абсолютное значение. При этом когнитивные установки одновременно выступают и в роли базисных положений науки, и в роли несомненных практических истин, образующих практический здравый смысл.

4. Практический разум не только направляет усилия спекулятивного разума на решение полезных задач, устанавливая ему базисные положения, но и производит отбор получаемых знаний по их соответствию практическому здравому смыслу. Тем самым рациональное познание подчиняется не только закону выяснения истины, но и общему закону пользы, т.е. в отношениях двух видов разума практический разум, действительно, имеет первенство.

5. В отличие от системы И. Канта, практический разум лишь координирует извне работу спекулятивного, в то время как каждый из них действует по собственным правилам: тем самым между двумя видами разума находится непротиворечивый компромисс, выражающийся в универсальном методе науки. Благодаря этому поиск истины реализуется через научные исследования как полезные дела, соизмеримые с возможностями человека.

Список литературы

1. **Асмус В.** Этика Канта // Кант И. Сочинения: в 6-ти т. М.: Мысль, 1964. Т. 4. Ч. I. С. 5-65.
2. **Кант И.** Критика практического разума // Сочинения: в 6-ти т. М.: Мысль, 1964. Т. 4. Ч. I. С. 311-501.
3. **Миллютин Ю. Е.** Философия здравого смысла Томаса Рида // Рид Т. Исследование человеческого ума на принципах здравого смысла. СПб: Алетейя, 2000. С. 10-85.
4. **Полани М.** Личностное знание. М.: Прогресс, 1985. 345 с.
5. **Поппер К. Р.** Предположения и опровержения: рост научного знания. М.: ООО «Издательство АСТ»; Ермак, 2004. 638 с.
6. **Ярцев Р. А.** Может ли мировоззрение быть научным? // Философская мысль и философия языка в истории и современности: сборник научных статей. Уфа: Восточный университет, 2008. С. 224-233.
7. **Ярцев Р. А.** Научное исследование: от личностной максимы к универсальному методу // Гуманитарный вектор. 2013. № 2. С. 98-103.
8. **Ярцев Р. А.** Научное исследование: «суд разума» или «эволюционный отбор»? // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2013. № 4 (51). С. 153-158.
9. **Ярцев Р. А.** О научном и ненаучном познании // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2010. № 2. С. 161-166.
10. **Ярцев Р. А.** О ранжировании научного знания с позиций рационального скептицизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. II. С. 218-221.

PRINCIPLES OF PRACTICAL REASON AND THEIR SIGNIFICANCE FOR SCIENTIFIC RATIONALITY

Yartsev Rustem Al'bertovich, Ph. D. in Technical Sciences, Associate Professor
Ufa State Aviation Technical University
rust-66@yandex.ru

The article considers the problem of the substantiation of scientific methodology basing on common sense that forms the legislation of human reason. It is shown that practical common sense consists of pragmatic principles and other cognitive attitudes of a man, which not only serve for scientific research as the basic regulations, but also participate in the selection of acquired knowledge: thus practical reason from without coordinates the activity of theoretical or speculative reason without interfering with it. Differences between the proposed conception and the system of I. Kant are revealed.

Key words and phrases: common sense; rationality; science; cognition; reason; method; benefit; skepticism; dogmatism; compromise.